

РГ

Н. Д. Арутюнова
Е. Н. Ширяев

Русское предложение. Бытийный тип

Н. Д. Арутюнова
Е. Н. Ширяев

**Русское
предложение.
Бытийный тип
(структура и значение)**

Москва
«Русский язык»
1983

Рецензенты: кафедра общего и русского языкознания историко-филологического факультета УДН им. П. Лумумбы; канд. филол. наук *Т. М. Дорофеева*

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.

А 86 Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. — М.: Русский язык, 1983. — 198 с.

В книге содержится описание структуры и семантики одного из самых распространенных в русском языке типов предложения — бытийного — и его разнообразных вариантов. Избранный авторами метод анализа семантики синтаксической структуры позволяет дать ясное истолкование многим особенностям в лексико-грамматическом строении и употреблении предложений, объяснение которых вызывает затруднение у преподавателей русского языка. Теоретические положения подкрепляются методическими рекомендациями. Книга предназначена для преподавателей русского языка, методистов, лингвистов.

4602010000-079
А _____ **105-83**
015(01)-83

ББК 74.261.3

ОТ АВТОРОВ

Отличительная черта современной лингвистики — интерес к семантике языка. Особое внимание уделяется описанию значения синтаксических единиц, в первую очередь предложения.

Результаты лингвистических исследований в этой области получают все большее отражение в преподавании иностранных языков. Это вполне естественно, так как работа над формой предложения не может осуществляться в отрыве от его значения. В значении предложения не меньше специфических, национальных черт, чем в форме. Русские бытийные предложения, избранные объектом описания в настоящей книге, привлекают к себе внимание тем, что их семантические возможности, а следовательно, и частота использования в текстах много шире, чем в большинстве других индоевропейских языков — английском, немецком, французском, испанском, итальянском, чешском, польском и др. Гораздо разнообразнее и те коммуникативные цели, с которыми они употребляются в речи.

Всесторонний анализ русских бытийных предложений потребовал от авторов решения таких проблем, которые имеют не только практическую, но и теоретическую значимость. Поэтому авторы хотели бы надеяться, что книга будет представлять интерес для широкого круга лингвистов.

Введение «Логико-семантический аспект синтаксиса», глава вторая «Коммуникативные формы бытийных предложений» и глава четвертая «Бытийные предложения личной и абстрактной сфер» написаны д-ром филол. наук старш. научн. сотр. Института языкознания АН СССР

Н. Д. Арутюновой; глава первая «Структура бытийных предложений» и глава третья «Бытийные предложения о мире и фрагменте мира» написаны канд. филол. наук старш. научн. сотр. Института русского языка АН СССР Е. Н. Ширяевым. Общее научное редактирование осуществлено Н. Д. Арутюновой.

Авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам рукописи канд. филол. наук Т. М. Дорофеевой и канд. филол. наук О. А. Крыловой, а также д-ру филол. наук И. И. Ковтуновой, сделавшим много ценных критических замечаний.

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИНТАКСИСА

Для того чтобы научиться говорить и писать на неродном языке, очень важно не только знать, но и чувствовать его синтаксический строй. Нужно уметь естественно и не задумываясь выбирать ту форму высказывания, которая наилучшим образом отвечает содержанию сообщения, логической структуре выражаемой в нем мысли и тому коммуникативному заданию, которое имеет в виду говорящий.

В образовании высказывания соучаствуют разнородные факторы: категории мысли, психологические механизмы и «житейская логика», внеязыковая действительность, которой касается высказывание, коммуникативная ситуация, цель, с которой делается сообщение, грамматические и лексические возможности языка, речевой узус, стилистические нормы и формы коммуникации. Совместное действие этих часто разнонаправленных сил создает высказывание. Между тем речевая коммуникация подчинена определенному ритму. Говорящий вынужден управлять потоком речи «на ходу», не допуская при этом нарушения правил «речевого движения». Собеседники не могут подвергать сознательному анализу все механизмы речеобразования, взвешивать и соотносить участвующие в этом процессе факторы, сравнивать разные языковые формы, отдавать предпочтение одной из них, приспосабливать одни элементы к другим, объединяя их в гармоничное целое.

Родная речь автоматизированна благодаря громадному и непрерывному опыту внутренней и собственно коммуникативной речевой деятельности. Слова родного языка срослись со своими смыслами, а синтаксические конструкции — с логическим содержанием мысли. Мысль и родная речь формируются одновременно. Говорящий на родном языке бессознательно повинуетя некоторым внутренним импульсам. Для него практически нет проблемы выбора слов и конструкций.

Приобрести навыки мгновенного учета всех указанных выше факторов — главная задача, осуществление которой определяет успех в овладении иностранными языками. Эту задачу, с одной стороны, облегчает, а с другой — затрудняет привычка речевого общения на языке, усвоенном с детства. Цель данной книги — помочь изучающим русский язык преодолеть период обдуманных речевых действий и

вступить в фазу естественного речевого поведения при общении на неродном языке.

Хотя логические закономерности мышления создают наиболее универсальный компонент языков, они далеко не всегда реализуются в одинаковых или сходных грамматических структурах. Но дело не только в этом. В каждом языке существуют излюбленные типы предложений, которые, варьируя свои частные грамматические характеристики и свое лексическое наполнение, приобретают коммуникативную гибкость и «вторгаются» в области, подлежащие ведению других синтаксических типов. Поэтому, изучая иностранный язык, приходится иногда переходить на другую логико-грамматическую «колею».

Настоящая книга посвящена едва ли не самому популярному типу предложений русского языка — бытийным предложениям. Этот синтаксический тип обладает разветвленной системой вариантов и огромным семантическим потенциалом. Им свойственна удивительная синтаксическая подвижность. Хотя первичным для них является выражение определенного логического значения, они так резко раздвинули свои коммуникативные возможности, что в русском языке допустимы связные тексты, целиком или по преимуществу построенные из бытийных высказываний. Например:

Недалеко от Москвы есть поселок под названием «Лесной городок». У нас там небольшая дача. Вокруг дачи сад, а за домом огород. В саду много плодовых деревьев. Есть среди них яблони и сливы.

Недалеко от поселка, километрах в двух, есть река. В ней много рыбы, особенно мелкой; за рекой леса и заливные луга. В лесах довольно много ягод и грибов, попадают и белые.

Сейчас лето. В небе яркое солнце, нет ни облачка. Дождей не было давно. Есть у нас замечательный сосед — мальчик Вася. У него светлые выгоревшие волосы и серые глаза, на голове панамы, на ногах кеды. С ним всегда щенок по имени Черныш. У мальчика со щенком большая дружба. Тут нет ничего странного. У них обоих хоть и небольшой жизненный опыт, зато есть молодость, сила, жизнерадостность.

Завтра у нас поход на байдарках. У Васи есть опасение, что как раз завтра и будет дождь. Есть такой закон, называемый «законом подлости», но ведь существует же в мире и справедливость!

Приведенный текст имеет иллюстративные цели. В него вошли семантические типы бытийных предложений: сообщения о наличии в тех или других местах объектов определенных категорий, характеристика человека, описание его внешности и одежды, описание природы и состояния среды, сообщения о событиях, происходящих в природе и в жизни людей, сообщения о внутреннем мире людей и др.

В подтверждение семантической многогранности бытийных предложений и их распространенности не только в разговорной речи, но и в художественных текстах, в том числе и поэтических, приведем несколько примеров:

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

Это небольшое стихотворение Ф. Тютчева содержит шесть высказываний; из них пять — отрицательные бытийные предложения, и лишь одно принадлежит другому синтаксическому типу. Оно стоит в повелительном наклонении, для бытийных предложений не характерном.

Закончим иллюстративную часть рассуждением К. Паустовского о русском языке, выраженном по преимуществу «бытийным синтаксисом»:

Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли.

Для всего, что *существует* в природе, — воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав, — в русском языке *есть* великое множество хороших слов и названий.

Чтобы убедиться в этом, чтобы изучить емкий и меткий словарь, у нас *есть*, помимо книг таких знатоков природы и народного языка, как Кайгородов, Пришвин, Горький, Алексей Толстой, Аксаков, Лесков, Бунин и многие другие писатели, главный и неиссякаемый источник языка — язык самого народа («Золотая роза»).

Бытийные предложения стилистически нейтральны. Они уместны в любом по стилю и жанру тексте. Их употребляют для выражения статических и динамических значений, в авторском повествовании и диалоге.

Прежде чем приступить к анализу структуры и значения бытийных предложений, познакомимся с той системой понятий и терминов, которые используются в этой книге.

Логическая организация мысли регулярно выражается в определенных синтаксических структурах. Наиболее существенны три вида логических отношений, которым соответствуют три логико-грамматических типа предложений: бытийные (или экзистенциальные) предложения, предложения тождества (или идентификации), предложения характеристики, имеющие ряд разновидностей в зависимости от значения предиката. Предикат может быть собственно характеризующим (обозначающим статический или динамический признак), таксономическим (классифицирующим), реляционным (указывающим на отношения между объектами), темпоральным и локальным.

Эти типы предложений различны как по логической, так и по грамматической структуре. Они имеют разные коммуникативные цели

и, выступая в своей первичной функции, занимают разное место в структуре текста.

В бытийных предложениях утверждается существование в мире или отдельном его фрагменте объектов, наделенных определенными признаками, т. е. принадлежащих тому или другому классу: *В этом городе есть университет, На улице была толпа народа, У нас нет дачи, На этой площади будет театр, В этом городе у меня нет знакомых, У нее доброе сердце, У меня на душе печаль, На деревьях иней.*

Отправным пунктом подобных сообщений является пространственное понятие (в том числе и «личная сфера»), которое принимается как данное, как фрагмент мира, так или иначе знакомый говорящему и адресату. Новым в них является сообщение о том, что в этом пространстве имеются объекты того или другого типа (класса): *В нашем лесу есть земляника, На этой улице есть аптека.* Коммуникативно важную часть таких предложений составляет имя существительное вместе с бытийным глаголом. Существительное соотносится (имеет референцию) либо с неопределенным предметом или с неопределенной частью класса предметов, либо указывает на предмет, знакомый говорящему, но неизвестный адресату речи. Последний тип референции (его принято называть специфической неопределенной референцией) характерен для бытийных предложений, начинающих текст: *Есть у меня один знакомый художник.*

Бытийные предложения, таким образом, отражают пространственно-предметный аспект мира. По мере того как варьируется значение входящих в предложения слов, видоизменяется и само понятие о бытийных отношениях, ср.: *В лесу есть грибы и В этой теории есть ошибочные положения; У лукоморья дуб зеленый и У моих соседей праздник.*

Особенно резко изменяется структурно-семантическая организация бытийных предложений в тех случаях, когда за данное принимается не пространственная сфера, а класс существующих объектов либо его часть, из которой выделяется подкласс или какой-либо один объект: *В нашем лесу есть березы; Среди моих друзей есть один молодой скрипач; В нашем институте есть первоклассные шахматисты, одаренные художники и даже талантливые музыканты.* Указание на класс, как видно из приведенных примеров, не всегда выражено в явной форме.

Таким образом, бытийные предложения распадаются на два крупных разряда в зависимости от того, представлена в них область бытия как пространство или как класс предметов.

Для понимания семантической организации бытийных предложений важно то, что область бытия в них всегда осознается как нечто более объемное, чем те предметы, которые в ней находятся. Когда говорят *За рекой есть леса*, предполагается, что не все заречье покрыто лесами. Это свойство определяет значение тех бытийных предложений, в которых область бытия соответствует классу предметов. Сообщения *В этом лесу есть березы, В своре Ноздрева были борзые, В его библиотеке есть редкие книги* касаются не всей «области бытия», т. е.

не всех предметов, образующих данный класс, а лишь ее части. Тем самым внутри класса выделяется некоторая частная разновидность.

Разница в объеме области бытия и находящихся в ней объектов существенна для понимания смысловых различий между бытийными и небытийными предложениями одного лексического наполнения, ср.: *В этой теории есть противоречия* и *Эта теория противоречива*. В первом случае речь идет о частичной непоследовательности теории, во втором — о том, что теория противоречива от начала до конца.

В предложениях тождества содержится утверждение идентичности объектов, обозначенных разными языковыми выражениями: *Этот корнет и есть девица Дурова; Твой учитель математики и есть брат Нади; Бурмин и был тот человек, с которым когда-то обвенчалась Марья Гавриловна; Это не тот человек, о котором я тебе говорил; Дама в малиновом берете была Татьяна Ларина*.

В предложениях тождества оба имени или именных выражения относятся к конкретным объектам. Они референтны. Цель такого рода высказываний — указать на то, что оба именных выражения относятся к одному и тому же объекту или, при наличии отрицания, на то, что предположение о тождестве объектов ошибочно.

Отношения идентификации можно видеть и в предложениях, где рема (сообщаемое) выражена референтным именем, т. е. именем собственным, местоимением или именем нарицательным, относящимся к определенному, единичному объекту. *Пришел Петя, Сделал это мой брат, Эту бригадир так распорядился*. В таких предложениях идентифицируется участник той ситуации, о которой делается сообщение. Если известно, что кто-то пришел, но неизвестно, кто именно, то вполне естественно спросить *Кто пришел?* и ожидать ответа, в котором бы идентифицировалась личность пришедшего. Предложение *Пришел Петя* или *Петя — вот кто пришел* означает 'пришедший (тот, кто пришел) — Петя (тождествен Пете)'. Во многих языках для выражения данного коммуникативного задания действительно используются предложения тождества, ср. англ.: *The one who came is Peter. It is Peter who came*; франц.: *C'est Pierre que est venu*; исп.: *Es Pedro quien ha venido, El que ha venido es Pedro*. Это подтверждает, что при изменении коммуникативного задания меняются и организующие предложение логические отношения, при том, что формальная синтаксическая структура может остаться неизменной. В предложении *Петя пришел* выражены отношения характеристики, если имя собственное соответствует теме, и отношения тождества, если имя собственное соответствует реме, коммуникативному центру высказывания (*Пришел Пётя, Пётя пришел*). Различие между исходной и преобразованной формой особенно заметно в отрицательных предложениях. При изменении их коммуникативной организации отрицание переносится на тему, вследствие чего предложение перестает быть отрицательным. Высказывание *Петя не пришел* является отрицательным, а высказывание *Не пришел Петя* (ответ на вопрос *Кто не пришел?*) выражает отношение тождества и содержит позитивную информацию ('Петя — тот, кто не пришел', 'неявившийся идентичен Пете').

Таким образом, предложения, внешне отличные от предложений тождества, могут совпадать с ними по выражаемому ими отношению. Предложения, сходные с предложениями тождества, нередко обозначают иное логическое отношение: *Таня — красавица, Этот цветок — фиалка, Петр Иванович — отец Маши*. В этих предложениях имена различаются по своему логическому и грамматическому статусу: первое имя (подлежащее) референтно, т. е. относится к конкретному объекту, второе имя (входящее в сказуемое) этим свойством не обладает; оно указывает либо на признак субъекта (*Таня — красавица*), либо на тот

класс, в который он входит (*Этот цветок — фиалка*), либо на отношение между двумя объектами (*Петр Иванович — отец Маши*). В таких предложениях представлены отношения характеристики в широком смысле этого термина.

Предложения характеристики выражают логическое суждение. В классическом случае их субъект относится к конкретному предмету, классу предметов или части класса, а предикат выражает признак, свойство, действие, состояние, процесс, принадлежность к классу, местопребывание предмета, его оценку, данную под тем или иным углом зрения, отношение к другим предметам, время (если субъект обозначает событие) и многое другое. Еще более разнообразны предикаты, сопоставляемые с субъектом-лицом. Они характеризуют его не только по внешним данным, но и по внутреннему содержанию. В каждом языке есть громадное количество психологических предикатов, «разлагающих» личность человека на мельчайшие атомы, характеризующих его волю, ум, душу, сердце, совесть и т. п.

Особым статусом обладают таксономические, или классифицирующие, предикаты — используемая в функции сказуемого конкретная лексика. Попадая в позицию предиката, конкретные имена указывают на принадлежность данного предмета или вида предметов некоторому более широкому по своему объему классу: *Кит — млекопитающее, Этот цветок — роза*. Таксономический предикат обычно выражается существительными, значение которых не разлагается на ясно определимые семантические компоненты. Часто речь идет о естественных (природных) классах, о которых говорящие имеют некоторое эмпирическое (образное) представление и располагают теми или иными энциклопедическими знаниями (ср. реакцию на такие слова, как *заяц, медведь, ртуть, ель, береза, лимон, комар* и т. п.). Принадлежность к тому или другому естественному или артефактному, т. е. созданному руками человека, классу составляет неотъемлемое, органическое свойство предмета. Предложения с таксономическим предикатом поэтому обычно употребляются в настоящем времени. Если же они стоят в прошедшем или будущем времени, то эти формы относятся не к существованию признака в данном объекте, а к существованию самого объекта: *Сократ был грек*. Прошедшее время в этом предложении употреблено не потому, что Сократ в какой-то момент жизни перестал быть греком (чего, естественно, не могло случиться), а потому, что само его существование относится к прошлому.

Таксономический предикат вводит в фокус всю ту сумму энциклопедических знаний о естественном классе, которым располагает адресат речи. Сообщения *Это левкой (божья коровка, араукария, кенгуру, бегемот, подосиновик, олово, наполеондор* и т. п.) будут иметь разный смысл для людей разной специальности, несхожих склонностей и интересов, несовпадающего жизненного опыта и места обитания.

Таксономический предикат может присоединяться к дейктическому (указательному) субъекту: *Что это? — Это фиалка*. Таксономические предложения образуют своего рода «предсуждение», необходимое

для выяснения и понимания последующих общих и частных суждений. В ходе коммуникации всегда предполагается, что собеседники имеют общие сведения о классе, которому принадлежит предмет речи. Поэтому сообщения, в которых конкретному предмету приписываются признаки, относящиеся ко всему классу (т. е. любому представителю данной категории реалий), в обычной ситуации воспринимаются как неинформативные. Услышав сообщение *У этого слона есть хобот*, адресат непременно поинтересуется, какими особыми причинами вызвано такое сообщение. Признаки, входящие в определение класса предметов, не принято приписывать отдельным его членам. Понимание природы таксономического предиката важно для анализа бытийных предложений, сообщающих не только о существовании некоторых объектов в той или другой пространственной сфере, но и о том, к какому классу эти объекты принадлежат. Таксономия входит в качестве составной части в семантическую структуру бытийных предложений. Она необходима для того, чтобы в высказываниях, следующих за бытийными, могли реализоваться отношения характеристики. Таксономический предикат задает те виды признаков, по которым данный предмет может быть охарактеризован, например: *У нас в саду есть клубника. Она крупная, ароматная и очень вкусная*. Если бы адресат не знал, к какому виду естественных реалий принадлежит предмет речи, он не мог бы интерпретировать сопоставленные ему предикаты, т. е. не мог бы представить себе, что значит *крупный, ароматный и вкусный*, ведь понятие о большом размере соотносительно со стандартом класса: даже очень маленькая гора сильно превосходит в размере самую крупную мышь, отчего и можно считать плачевной всякую ситуацию, когда гора рождает мышь, не конкретизируя при этом ни высоты горы, ни габаритов мыши.

Х а р а к т е р и з у ю щ и й п р е д и к а т в узком смысле этого термина указывает не на комплекс признаков, а на один признак или немного четко обозначенных и распределенных по аспектам черт, относящихся к цвету, форме, размеру, вкусу, запаху, степени плотности, способу движения предмета. Характеризующий предикат выражается качественными прилагательными и глаголами, имеющими много семантических разновидностей.

Характеризующий предикат может быть выражен, подобно предикату таксономическому, именем существительным: *Петя — лгуш (отличник, смельчак, лыжник, остряк, забияка, простак, фантазер, наглец и т. п.)*. Субстантивный предикат указывает на постоянный, органически присущий предмету признак. Он не может обозначать актуального свойства или действия, обнаруживающегося или осуществляемого в конкретный момент времени. Сообщение *Он — пловец* не может означать, что он плавает в данный момент. В таких предложениях содержится обобщенная (вневременная) характеристика предмета. Во всем же остальном они близки не к таксономическим, а к характеризующим (глагольным и адъективным) сказуемым.

Особый тип составляют **р е л я ц и о н н ы е п р е д и к а т ы**, т. е. предикаты, указывающие на отношение данного объекта к другому объекту: *Петр — отец Маши, Он — мой соавтор, Маша — соученица*

моего сына. Хотя в семантику реляционных имен обычно входят классифицирующие компоненты (так, имя отец указывает не только на отношение отцовства, но также на признаки 'человек', 'мужского пола' и 'зрелого возраста'), эти имена не образуют таксономических предикатов. Предложения типа *Петр — внук (брат, племянник)* не употребительны. Высказывание *Я — бабушка* равнозначно либо сообщению *У меня есть внуки*, либо намеку на возраст говорящего лица. Ни в том ни в другом случае предложение не имеет классифицирующего смысла.

Употребляясь в функции предиката, реляционные имена (как и другие имена лиц) претерпевают семантическое упрощение: в их значении сохраняется только указание на отношение. Классификационные компоненты значения (например, признак пола лица) легко устраняются. Поэтому в предикате часто употребляется немаркированная форма мужского рода, ср., например, в пьесе А. Чехова «Дядя Ваня»: [Войничский:] *Она мой друг*. Однако если отношения мыслятся как «несимметричные», то пол выражается и в позиции предиката, ср. продолжение диалога: [Астров:] *Уже?* [Войничский:] *Что значит это «уже»?* [Астров:] *Женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уже друг*.

Удерживая в своем значении только реляционный компонент, предикаты статического отношения не могут распространяться определениями, квалифицирующими объект по признаку, не связанному с означенным отношением. Это существенно отличает реляционные предикаты от таксономических. Нельзя сказать **Петр Иванович — молодой (старый, уса́тый, толстый, заботливый, раздражительный, снисходительный) отец Васи*. Допустимы лишь определения, квалифицирующие вид выражаемых именем отношений: *Петр Иванович — неродной (приемный) отец Васи; Вика — старшая (но не старая) сестра Коли*.

Соприкасаются с реляционными локальные предикаты, указывающие на отношение между предметом и некоторым местом, пространством, или, проще, на местоположение предмета. Локальные предложения, как и бытийные, отражают пространственно-предметный аспект мира. Между бытийными и локальными отношениями имеется, однако, существенное различие. Оно состоит в том, что в бытийных предложениях данным, известным является место, а сообщаемым — его «предметное наполнение». В локальных предложениях, наоборот, исходным пунктом сообщения служит известный говорящему предмет (предметы), а сообщаемым — местопребывание этого предмета (предметов). Ср.: *В зоопарке есть слон* и *Этот слон находится в зоопарке*. В первом — бытийном — предложении сообщается о том, что есть в зоопарке, а во втором — локальном — о том, где находится данный (определенный) слон. Первое предложение служит ответом на вопрос *Какие звери есть (имеются) в зоопарке?*, второе — на вопрос *Где находится этот слон?*

Разница между приведенными предложениями не ограничивается, однако, тем, что в коммуникативном отношении они обратны.

Коммуникативная инверсия сопровождается в этом случае изменением референции имени. В бытийном предложении имя не указывает на предмет, известный обоим собеседникам (ср. *В зоопарке, кажется, есть какой-то слон*); в локальном предложении речь идет о вполне определенном, конкретном предмете (ср. *Слон Чанго находится сейчас в Московском зоопарке*). Этот пример показывает, что для формирования типа предложения очень существенны такие факторы, как референция имени (его определенность или неопределенность) и коммуникативная направленность высказывания (соотношение исходного пункта сообщения и сообщаемого, темы и ремы). В русском языке референция имени иногда предопределяется лексическим значением глагола. Так, глагол **находиться** может относиться только к известным, конкретизованным объектам. Он входит в локальные предложения: *Петя находится сейчас в школе, Я находился тогда на даче*. Глаголы же **водиться** и **встречаться** (в бытийном значении) могут относиться только к неопределенной части класса предметов. Поэтому нельзя сказать **Эта стая волков водится (встречается) в нашем лесу*. Указанные глаголы естественно входят в бытийные предложения: *В нашем лесу водятся (встречаются) стаи волков*.

Мы остановились на тех типах предикатов, которые наиболее тесно соприкасаются с бытийными предложениями. Это таксономические, характеризующие (в узком смысле, т. е. признаковые), реляционные и локальные предикаты.

Предлагаемое вниманию читателя описание бытийных предложений динамично. В книге рассматриваются не только их исходные, коммуникативно нейтральные формы, но и все те видоизменения, которые они претерпевают в результате перемещения коммуникативного фокуса с одного элемента на другой; так, в предложении *У мальчика были серые глаза* речь идет не о том, конечно, что у мальчика были глаза, а о цвете глаз. Информативная значимость в этом предложении ограничена определением.

Вследствие коммуникативных сдвигов структура предложения перестает соответствовать выражаемому ею отношениям. Между формой и содержанием утрачивается равновесие.

Для того чтобы хорошо понять динамику синтаксических процессов, нужно помнить, что основные двигательные силы синтаксиса связаны с тремя факторами: 1) коммуникативной перспективой высказывания (распределением в нем данного и сообщаемого); 2) референцией входящих в высказывание имен, их отношением к предметам действительности; 3) лексическим наполнением синтаксической структуры, причем особенно существенно различие между предметными и непредметными (признаковыми, событийными и др.) значениями.

СТРУКТУРА БЫТИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В русском языке, как уже отмечалось, существуют два класса бытийных предложений со следующими схемами:

1) локализатор — бытийный глагол — имя бытующего предмета: *В этом лесу есть грибы, У него есть дача, У вас нет совести, В мире есть много удивительного;*

2) имя класса предметов — бытийный глагол — имя бытующего предмета, входящего в данный класс: *Среди раков, которых я натаскал, не было ни одного голубого* (В. Каверин); *Среди моих друзей в классе были очень способные ребята.*

Рассмотрим структуру бытийных предложений, охарактеризовав их компоненты.

ЛОКАЛИЗАТОР

Различаются собственно локализаторы типа *Под окнами дома палисадник* и квазилокализаторы типа *В его суждениях есть рациональное зерно.*

Собственно локализаторами (далее будем называть их локализаторами) являются компоненты предложения со следующими значениями:

1) пространственные локализаторы, называющие некоторое реальное место; они способны сочетаться с параметрическими прилагательными типа **большой, высокий, длинный, узкий** и под.: *На дереве ворона — На высоком дереве ворона.* Пространственные локализаторы известны в традиции под названием обстоятельств места [1, с. 379; 2, с. 121];

2) личностные локализаторы, называющие человека, по отношению к которому сориентирован бытующий предмет: *У них есть дача, У меня есть сын.* Личностные локализаторы в существующих синтаксических концепциях характеризуются по-разному: в системе второстепенных членов предложения эти локализаторы определяются обычно как дополнения [1, с. 564; 2, с. 109]; во многих работах, опирающихся на понятие модели (схемы, предикативного ядра), предложения *У меня есть дача* характеризуются как особая схема с посессивными отношениями, а член *у них* определяется как посессор (обладатель) [3, с. 196—201].

Квазилокализаторы не имеют значения места в обычном понимании этого слова, а выражают некоторое идеальное «пространство»,

представленное как вместилище каких-либо абстрактных понятий. Естественно, что параметрические прилагательные не могут сочетаться с квазилокализаторами. В традиционном синтаксисе квазилокализаторы не имеют четкой квалификации; они определяются либо как обстоятельства места, либо как дополнения.

Несмотря на различия в лексико-семантическом значении, локализаторы и квазилокализаторы объединяются в один класс, потому что выполняют в бытийном предложении одинаковые синтаксические функции.

В качестве одной категории рассматривает данные компоненты Н. Ю. Шведова. Однако основы выделения этой категории и ее синтаксическая роль понимаются Н. Ю. Шведовой совсем иначе. Локализатор (и квазилокализатор) включается в еще более широкую категорию детерминантов. Детерминанты определяются как распространители предложения, формально не связанные ни с какой словоформой. По значению различаются обстоятельственные и объектно-субъектные детерминанты [4, с. 624—633], ср. с выделенными нами группами пространственных и личностных локализаторов. Следует заметить, что синтаксическая роль детерминантов в предложении остается еще не до конца уясненной (см. [5, с. 141—143]), да и сама идея детерминантов как особого члена предложения воспринимается весьма критически [6, с. 92—103].

Локализаторы выражаются существительными с различными предлогами:

пространственные локализаторы — с предлогами пространственного значения (или наречия места): *В городе есть парк, В парке есть липы, Под липами скамейка, На скамейке люди, Здесь есть плодородные земли, Тут река, Там лес;*

личностные локализаторы — с предлогами принадлежности: *У него есть садовый участок.*

Семантика локализатора в бытийных предложениях весьма широка. Локализаторы своей семантикой определяют общее значение бытийных предложений. Все многообразие этих значений укладывается в четыре группы. Локализаторы могут представлять область бытия как:

1) фрагмент мира: *В зале блестящий пол, выкрашенный под паркет, венские стулья, рояль, юпитр для скрипки* (А. Чехов); *Предо мной был густой лес* (М. Лермонтов); *Над солнцем была кровавая полоса* (М. Лермонтов); *А за Уралом — Зауралье, А там своя иная даль* (А. Твардовский);

2) внешний микромир человека: *На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка* (М. Лермонтов); *Надеюсь, у нее есть мать или кто-нибудь, кто мог бы ее остановить* (И. Гончаров); *У него в городе громадная практика* (А. Чехов); *В руках у него была кепка* (В. Каверин);

3) внутренний, физический или психический, микромир человека: *У меня несчастный характер* (М. Лермонтов); *У вас там свой взгляд на жизнь* (И. Гончаров); *В Инсарове нет ничего прозаического* (И. Тургенев); *У вас уже тогда было такое лицо, которое не забываешь* (И. Тургенев); *У твоего друга такая превосходная память* (В. Каверин); *У него были светлые глаза, а борода черная и гладкая* (В. Каверин);

4) мир или вселенную в целом: *Потом он стал понемногу допу-*

скать мысль, что в жизни, видно, не все одни розы, а есть и шипы (И. Гончаров); *В природе есть много таинственного и непонятного* (А. Чехов); *В природе постоянный обмен веществ* (А. Чехов); *В жизни так много неразрешимых загадок* (А. Чехов); *И всюду страсти роковые, | И от судеб защиты нет* (А. Пушкин). Ср. также поэтическое обыгрывание этого типа локализатора в стихотворении А. Фета, целиком построенного на утверждении, что в мире есть только то, что хочется поэту, а все незначительное в данную минуту представляется как несуществующее: вселенная «сокращена» поэтом до микромира субъективных ценностей, или, иначе, микрокосмос «раздвинут» до беспредельности мира:

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый,
Влево бегущий пробор.

Наиболее характерны для выражения этого значения локализаторы **в мире, во вселенной, в жизни, в природе, везде, всюду**, а для отрицательных предложений — **нигде: Нигде нет ни звука**.

Значение, выражаемое локализатором группы (4) — область бытия равна всему миру — часто передается в бытийных предложениях с отсутствующим локализатором: *Вот есть же судьба* (В. Каверин); *Есть звезды-гиганты; Есть добро и зло*.

К локализаторам со значением (4) близки локализаторы, которые обобщенно называют фрагменты мира, внешний и внутренний микромир человека. Для этого к локализаторам со значением (1—3) добавляются местоимения (кванторы всеобщности) **каждый, любой** и др.: *В каждом доме, в каждой семье есть какой-то свой, маленький семейный предмет гордости* («Наука и жизнь»).

Квазилокализаторы имеют два значения:

1) продукт, проявление познавательной (речевой или артистической, художественной) деятельности человека. Имя бытующего предмета показывает внутренний состав этого проявления — его свойства, содержание и т. п.: *В этой концепции есть много неясностей; В статье есть свежие мысли; У романа необычная композиция; В словах его много правды; В музыке Бетховена—вера в силу человеческого духа; В искусстве бывают случаи, когда писатели используют художественные решения, найденные их предшественниками* (В. Шкловский);

2) события, явления, состояния. Имя бытующего предмета обычно вскрывает внутреннюю сущность этих значений: *В шуме волн есть что-то успокаивающее; В раскатах грома какое-то ликование природы; В самой отчужденности есть что-то мешающее интимности первых минут встречи* (К. Петров-Водкин); *В звуке его голоса была таинственная сила* (В. Гиляровский).

Значение (1) квазилокализаторов близко к значению локализаторов,